

Принцесса Аладана

Рин Теру

Рин Теру

Принцесса Аладана

<https://litres.ru/74209487>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что может быть страшнее, чем выйти замуж за нелюбимого? Пожалуй, только брак с принцем страны, которая вас презирает.

Принцесса Иона вынуждена вступить в брак, чтобы заключить перемирие между двумя империями. Но столица встречает её косыми взглядами, холодом будущего супруга и множеством запретов. Её свобода становится разменной монетой в чужой игре. Однако Иона не намерена с этим так просто смириться.

Но чем глубже она погружается в чужие тайны, тем сильнее запутывается в собственных чувствах. Между ледяным супругом, за маской которого скрывается нечто большее, чем безразличие, и заносчивым слугой, чьи истинные чувства прячутся за строгими правилами, Иона рискует потерять себя.

Ей предстоит распутывать заговоры, сделать невыносимый выбор и, возможно, обрести любовь. Вопрос лишь в том, какой ценой?

Содержание

Глава 1	4
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Рин Теру

Принцесса Аладана

Глава 1

Стук колёс крытой повозки не прекращался ни на минуту. Мы ехали в центре, занимая почётное место, пока позади нас громыхали обозы, доверху набитые сундуками с приданым.

Прошло двенадцать дней с момента, как мы покинули стены Аладана и я уже успела привыкнуть к монотонному стуку колёс, который давно перестала замечать. Я была до того измучена, что готова была упасть прямо на землю, лишь бы наконец почувствовать долгожданное облегчение.

Помимо затёкших конечностей, неудобства доставляла и конструкция на голове. Пыльно-лиловый шёлк, расшитый золотыми нитями, оставлял для глаз лишь узкую щель. Плотная ткань, перехваченная золотыми обручами, спадала каскадом, отдалённо напоминая волосы. Другой её конец огибал плечи и шею, струясь ниже бёдер. Само платье того же цвета доходило до самых ступней, а рукава, плотно облекая предплечья, от локтей расходились свободной тканью.

Но физическая усталость казалась ничтожной по сравнению с тем, что творилось у меня внутри. Всю дорогу в груди

разрастался ком тревоги, сжимая лёгкие. Пальцы мелко подрагивали, и я с силой стискивала их в кулаки, чтобы унять дрожь. С каждым часом дышать становилось всё тяжелее, а плотная ткань на лице будто душила меня.

Закрыв глаза, я откинулась на мягкую спинку сиденья и попыталась успокоиться. Медленно вдыхая, на выдохе я старалась вытолкнуть из груди давящую тяжесть.

— Ваше Высочество?

От неожиданности я вздрогнула, и тетрадь, всё это время лежавшая у меня на коленях, соскользнула на пол. Я совершенно забыла о её существовании, как и о том, что я здесь не одна.

Вази́р...

Этот неказистый с виду мужчина был моей опорой с малых лет. Ему чуть за пятьдесят, невысокий, плотный, с усами и вечными мешками под глазами. На его голове виднелись проплешины, которые он то и дело раздраженно приглаживал рукой. Сейчас он сидел рядом с моей матерью, что увлечённо вышивала, не обращая ни на кого внимания.

— Да? — выдохнула я сипло, с трудом сглотнув, пытаюсь смочить пересохшее горло.

— Вам незачем тревожиться, — мягко ответил он. — Я всегда буду где-то рядом, Ваше Высочество.

— Это меня и беспокоит, — сорвалось с губ прежде, чем я успела подумать.

— Иона! — мама оторвалась от вышивки и одарила ме-

ня ледяным взглядом. — Мы это уже обсуждали. Слушайся Вазира, и чтобы без глупостей.

Я невольно скривилась — к счастью, под тканью этого никто не заметил.

— Хорошо.

Матушка, удовлетворенная ответом, вновь вернулась к шитью, тихо добавив:

— Постарайся не привлекать к себе внимания до свадьбы.

— Боюсь, даже не желая, я получу его сполна, — буркнула я, глядя в окно.

Пейзаж медленно плыл за окном. Бескрайние поля шафрана простирались до самого горизонта. Люди, согнувшись в три погибели, срывали каждый распутившийся цветок и складывали в большие плетёные корзины. Несмотря на палящее солнце, работники даже не думали останавливаться. Лишь некоторые из них на мгновение выпрямлялись, чтобы проводить наш караван долгим, усталым взглядом.

— Уже прочитали? — спросил Вазир, заметив тетрадь, что вновь покоилась у меня на коленях. — Понравилась?

Я подпёрла щеку рукой и протянула её раскрытыми страницами вперёд.

— Было бы так, сумей я разобрать хоть слово, — ответила я, опуская тетрадь обратно. — И как ты вообще смог дослужаться до счетовода с таким корявым почерком?

Вазир, ничуть не обидевшись, лишь сдержанно рассмеялся, снова проведя рукой по лысеющей голове.

— Видимо, по той причине, что в писари не годился, Ваше Высочество, — ответил он, забавно дёрнув усами.

Фыркнув, я улыбнулась одними глазами. Вазир был настоящим гением счёта, но в письме талант ему не улыбнулся, что даже он сам порой не мог разобрать написанное. Зато, отойдя от дел и примкнув к придворным слугам, он неожиданно открыл в себе талант к рисованию.

Кончиками пальцев я провела по цветному рисунку на странице, где море уходило за горизонт к солнцу. Волны были выписаны с такой живостью, что, казалось, вот-вот ожижут.

Неужели я так никогда и не увижу его?

Сердце сжалось от тоски при одной лишь этой мысли. В Аладане море было скрыто за горным хребтом, и добраться до него из-за скал не представлялось возможным. Я знала о нём лишь по рассказам Вазира и зарисовкам, и мечта увидеть его теплится во мне до сих пор.

Погрузившись в свои мысли, я не сразу заметила, как мы въехали в город. Первое, что я ощутила, — запах. Резкий, густой аромат дыма, глины и тысяч немытых тел, смешанных в единый смрад.

На окраинах теснились убогие лачуги с плоскими крышами. Их стены, обмазанные рыжей глиной, местами потрескались и осыпались, а под навесами из выцветшей ткани люди прятались от палящего солнца. Дети в рваной одежде бежали за повозкой, но стража отгоняла их, не подпуская близко.

Ближе к центру убогие лачуги уступали место жилищам с внутренними двориками и узорчатыми оконными проемами, а вдоль улиц тянулись арочные коридоры, где в тени прятались от зноя местные жители.

Мы наконец достигли сердца города — знаменитого столичного рынка. Это место напоминало бесконечный лабиринт, где над головой колыхались пёстрые ковры, свисавшие с балконов и крыш. Переплетаясь, они создавали атмосферу праздника, заслоняя солнце и превращая улицу в огромный шатёр из тканей всех возможных цветов и узоров.

Торговцы наперебой выкрикивали названия товаров, стараясь перекрычать друг друга. Воздух был пропитан пьянящим ароматом свежей выпечки, пряных специй и сладких экзотических фруктов. Из-за большого скопления людей мы вынуждены были замедлиться, и прохожие то и дело норовили заглянуть в наше окно.

— Возьмите, красавица! — у окна возник юноша в турбанах, протягивая шаль. На его загорелом лице сияла добрая улыбка. — У семьи Джатшэ самые лучшие ткани, госпожа!

Я удивленно протянула руку, чтобы взять кусок ткани, но стражники уже оттащили парня от повозки.

— Ваше Высочество, — голос Вазира прозвучал строже, чем прежде. — Мы подъезжаем к центральным воротам. Прошу вас, будьте внимательнее.

Я удручённо выдохнула, печально глядя вслед юноше.

Мы подъехали к высоким стенам внешнего двора, где у

большой центральной арки уже образовался затор. Люди, размахивая доверенными бумагами, возмущённо требовали пропустить их без очереди, но стража была непреклонна и тщательно досматривала каждого въезжающего.

Когда один из стражников приблизился к нашей повозке, Вазир протянул ему в окно свиток с гербом Аладана. Пока он изучал документ, остальные стражники тщательно досматривали обозы, заглядывали под повозки.

— Всем отойти! Освободить проезд!

Стража тут же засуетилась, расчищая путь для нашего каравана. Повозка качнулась и снова покатилась вперёд.

За стеной взору предстала истинная роскошь. По обе стороны широкой песчаной дороги, во внешнем дворе, селилась знать, а между их владениями ютились гостиницы с прославленными трактирами. Сады внутри особняков утопали в зелени и цветах, а среди них сверкали пруды, создавая прохладу в этот знойный день.

Наш караван подъезжал к площади, откуда виднелся обширный сад, а в центре его возвышался самый знаменитый храм на всем континенте. Он возвышался над землей в несколько ярусов, увенчанный множеством шпилей, уходящих к солнцу. Каждый из них украшала каменная резьба. Арки, колонны и карнизы покрывало огромное количество сложного орнамента. Этот храм не уступал ни одному императорскому дворцу и был воплощением человеческого терпения.

Дверца распахнулась, и Вазир вышел первым, тотчас протягивая нам руку, помогая спуститься.

На площади начала собираться толпа. Люди с любопытством разглядывали нас, переговариваясь вполголоса. Я чувствовала на себе десятки взглядов, и от этого становилось не по себе.

Но вскоре моё внимание привлёк стражник, который быстрым шагом направился к нам. Он остановился перед матерью и, низко поклонившись, почтительно произнёс:

— Ваше Императорское Величество, госпожа Мариэль, вас уже ожидают у храма. О вещах принцессы можете не беспокоиться, я лично прослежу, чтобы их доставили в поместье в полной сохранности.

Мать поправила рукава трёхцветного палантина и, вздохнув, бросила через плечо:

— Вазир, отправляйся со стражей в поместье и проследи, чтобы они ничего не потеряли по пути.

Я заметила, как перекосило лицо стражника. Его челюсти сжались так, что проступили жилы.

— Слушаюсь, госпожа, — ответил Вазир, склонив голову в коротком поклоне.

Громыхнули колёса повозок, и караван с вещами свернул с центральной дороги и двинулся дальше.

Наш дальнейший путь пролегал вдоль сада, где ветвистые деревья переплетались с пальмами и кустами, усыпанными гроздьями цветов. Вокруг разливались пруды, гладкая по-

верхность которых была усеяна кувшинками, чьи крупные бутоны качались на воде, привлекая бабочек и стрекоз.

Но от созерцания сада меня отвлекло прикосновение маминой руки. Она посмотрела на меня с лёгкой улыбкой. Её лицо, в отличие от моего, оставалось открытым, а волосы вихрями спадали с одного плеча. Она протянула руки и поправила украшения на моей голове.

— Я задержусь ещё на неделю, но потом мне нужно будет возвращаться. Постарайся не попадать в неприятности в моё отсутствие, хорошо?

Голос её звучал так спокойно и непринуждённо, что у меня внутри всё сжалось от тоски. Я перехватила её руку и крепко сжала в своей ладони. Я была не готова к тому, что нам придётся расстаться так скоро.

У входа, в широком проёме, нас ожидало несколько человек. В центре, сразу привлекая внимание, стояла взрослая женщина, чей взгляд заставлял съёжиться. Её седые волосы были уложены в сложную причёску, а одежда была сплошь покрыта вышивкой из самоцветов. В этой женщине я без труда узнала императрицу Сулу — мать правящего императора.

Рядом с ней, чуть позади, стоял старик с глубокими морщинами и почти лысой головой. На нём была длинная темно-изумрудная накидка с синими рукавами, искусно расшитая мерцающими нитями, создававшими у подола подобие перьев.

Сула перевела на нас холодный, изучающий взгляд и, не дожидаясь, пока мы подойдём ближе, произнесла:

— Добро пожаловать в Карин. Будьте на моей земле как дома, — в её голосе слышалась неприкрытая насмешка.

— Премного благодарна... Ваше Величество, — мать, не сводя с неё глаз, натянуто улыбнулась.

Теперь Сула смотрела на меня на меня.

— Рада нашей встрече, принцесса Иона, — произнесла она нарочито мягко. — Хочу представить вам главного жреца храма, господина Нанэ.

Она указала на старика, и тот почтительно склонил голову.

— Он проведёт обряд, который соединит вас узами с моим сыном. Это обязательная часть нашей свадебной традиции, — и, уже обращаясь к жрецу, добавила: — Давайте начинать. Думаю, Винзэс уже утомился ожиданием.

Услышав это имя, я невольно напряглась.

Винзес — так звали младшего брата императора, моего будущего мужа, о котором я практически ничего не знала, и это было неудивительно.

Обычно имена наследников звучат наравне с именем самого императора. Они занимают высокое положение в совете, командуют армией или становятся общественными деятелями. Но принц выбивался из этой устоявшейся закономерности. Он ничем не интересовался, избегал общества, и это порождало множество слухов о его скверном характере.

И, признаться, я не горела желанием узнавать, правдивы ли они. Но, увы, моего мнения никто не спрашивал.

— Прошу, следуйте за мной, — произнёс Нанэ, прежде чем развернуться и шагнуть в тёмный проём храма.

Матушка хотела последовать за мной, но один из стражников преградил ей путь. Она осталась стоять у входа, и я видела, как напряглось её лицо. Мне оставалось только идти вперёд; порог переступили лишь мы с Нанэ.

Храм внутри оказался лабиринтом из залов с арками и множества проемов. От пола до потолка всё было выложено мозаикой с причудливыми узорами, от которых рябило в глазах.

Мы брели уже довольно долго, но залы мало чем отличались друг от друга, и вскоре мне начало казаться, что мы ходим по кругу.

Наконец коридор расширился, и мы вступили в просторный зал. Полумрак рассеивали лучи света, проникавшие сквозь оконные проёмы под куполом; они падали вниз золотыми столбами, в которых кружилась пыль.

В центре зала, на каменном постаменте, восседала золотая статуя с птичьей головой. Фигура в молитвенной позе была увешана цепями и шёлком, а сотни свечей мерцали вокруг, отражаясь в полированном золоте.

Перед алтарём, всего в нескольких шагах, неподвижно сидел человек, повернутый к нам спиной. Я заметила его ещё на входе; он казался ещё одной статуей, застывшей в тени

колонн. Тёмные вьющиеся волосы почти касались широких плеч, с которых свисала бордовая накидка, расшитая золотом.

Должно быть, это он. Принц.

Нанэ подвёл меня к алтарю, и я опустилась на пол бок о бок с женихом, перенимая его позу. Сидя лицом к статуе, я была захвачена мыслями о человеке рядом. Мне казалось, стоит лишь прикрыть глаза, и я уловлю его запах, услышу его мерное дыхание. Было волнительно даже предположить, что он мог услышать, как беспокойно колотится моё сердце.

Я украдкой скосила глаза в его сторону, пытаюсь разглядеть лицо. Однако я увидела лишь линию скулы и тень от длинных ресниц. Этого было слишком мало, и я чуть подавалась вперёд, наклоняя голову. В то же мгновение наши взгляды встретились.

Зелёные глаза, яркие, в обрамлении тёмных ресниц, смотрели на меня в упор. Густые брови, почти чёрные, были чуть сведены, делая взгляд ещё выразительнее, а в ушах покачивались крупные золотые серьги, и это сочетание золота и смуглой кожи казалось почти совершенным.

Я чувствовала, как горят щёки, и с ужасом осознавала, что совсем не дышу.

Он был настолько красив, что я не могла оторвать от него взгляд. Мне было стыдно признать, что я хочу прикоснуться к нему; убедиться, что передо мной реальный человек, а не плод моего воображения. И в этом желании я не узнавала

себя.

Но стоило мне об этом подумать, как ладонь Нанэ легла на мою макушку и резко повернула мою голову обратно к статуе.

Я сглотнула, пытаюсь унять волнение, что зарождалось где-то внизу живота.

Жрец оставил нас и направился к алтарю, перед которым опустился на колени. Он зажѣг деревянную палочку от свечи и поднёс её к сухим травам в дымнице. Вскоре из неё потянулись тонкие струи дыма, которые медленно расплзались по воздуху, окутывая старца словно прозрачная шаль.

Сложив руки, он начал читать молитву на языке, который я прежде не слышала. Время тянулось так долго, что спина затекала, воздух становился гуще, и каждый вдох давался с трудом. Вскоре я перестала различать слова вовсе; они превратились в глухой гул, от которого веки налились тяжестью, а в висках отдавалась тупая пульсирующая боль. Сколько это длилось, я не знаю. Я очнулась только когда звуки стихли, и тишина позволила мне снова мыслить ясно.

— Эти браслеты обозначают вашу *связь*, — вновь раздался голос старца, нарушая тишину.

Едва придя в себя, я заметила на своём запястье красную нить. Я повернула голову и увидела, как Нанэ завязывает точно такую же на руке моего жениха.

Парень безразлично разглядывал новое украшение на своей руке. Он не выглядел расстроенным или взволнован-

ным предстоящей помолвкой. Его блуждающий взгляд скорее источал усталость от всего происходящего, чем заинтересованность.

Я ещё раз взглянула на браслет из красных нитей с вплетёнными в них золотыми бусинами. Если поднести его ближе, на нём можно было различить цифры:

«21.11.»

— Дата вашей свадьбы была рассчитана заранее, — пояснил жрец, тяжело поднимаясь на ноги. — Она есть на каждом из браслетов.

Теперь вместо волнения я ощущала лишь замешательство. Мне хотелось покончить с этим как можно скорее, но вместо этого придётся ждать целых четыре месяца, прежде чем мы станем мужем и женой. С другой стороны, возможно, это и к лучшему: у меня будет время узнать его получше. Эта мысль зародила во мне слабую надежду, что мы могли бы подружиться, и тогда пребывание здесь станет не таким мучительным.

Я улыбнулась этим мыслям, и в тот же миг что-то тёмное промелькнуло перед глазами. Раздался глухой звук, и от того, что я увидела, мои глаза расширились от ужаса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.